

ЗАДАЧИ ЭТНОГРАФОВ В СВЯЗИ С ПОЛОЖЕНИЕМ НА МУЗЫКАЛЬНОМ ФРОНТЕ

10 февраля 1948 г. ЦК ВКП(б) принял постановление об опере «Великая дружба» В. Мурадели. В этом постановлении, оказавшем уже громадное влияние на дальнейшее развитие советского музыкального искусства, отмечались нездоровые тенденции, проявившиеся среди части композиторов, увлекшихся псевдоноваторством. Отойдя от того направления советской музыки, которое тов. А. А. Жданов характеризовал как «здоровое, прогрессивное начало в советской музыке, основывающейся на признании огромной роли классического наследства, и, в частности, традиций русской музыкальной школы, сочетании высокой идейности и содержательности музыки, ее правдивости и реалистичности, глубокой, органической связи с народом, его музыкальным, песенным творчеством, в сочетании с высоким профессиональным мастерством», часть композиторов встала на путь формализма и под предлогом новаторства стала осуществлять «замену естественной, красивой, человеческой музыки музыкой фальшивой, вульгарной, зачастую просто патологической»¹.

В формалистических извращениях, получивших большое распространение среди западноевропейских и американских композиторов, сказалось тлетворное влияние вырождающейся империалистической общественной идеологии на искусство. Та часть советских композиторов, которая в поисках новых форм стала ориентироваться на современную западноевропейскую музыку, рассчитанную на буржуазного эстета, а не на народные массы, оказалась в плену у реакционных, антинародных музыкальных теорий. Из музыкальных произведений этих композиторов постепенно исчезло подлинное искусство. Формалистические увлечения оторвали эти музыкальные произведения от питающей творческой среды, которая содействует развитию музыкального искусства,— от классического наследства, от народного музыкального творчества, от накопленной многими веками национальной музыкальной культуры.

В основе музыкального творчества, как и всякого другого вида искусства, лежат — иногда в осознанном композитором виде, иногда в неосознанном виде — идеологические представления, связывающие композитора с окружающей социальной средой, с исторической эпохой. Художественное произведение, лишенное идейного содержания, не является искусством. Но идеи того или другого произведения бывают различными — они могут быть передовыми, могут быть реакционными. Музыка обладает свойством, с одной стороны, выражать идеи, а с другой,— отражать эмоции, впечатления, настроения. Чем талантливее автор музыкального произведения, тем сильнее влияет он на слушателя, передавая ему свои идеи и свои эмоции. Разложение и вырождение создают упадочнические идеи, которые вызывают упадочнические эмоции.

Народным массам нашей страны, построившим социализм и осуществляющим постепенный переход к коммунизму, чужды настроения

¹ А. А. Жданов. Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), стр. 136.

декаданса. Гражданам СССР нужна музыка действенная, яркая, отражающая передовые идеи; музыка бодрая, зовущая к труду и борьбе, зовущая к победе. Чаяниям и настроениям народных масс отвечает музыка, озаряющая жизнь радостью, счастьем, помогающая понять внутренний мир другого, близкого человека, помочь перенести личное горе, пережить тяжелую утрату. Словом, нужна музыка подлинно человеческая, содержательная и глубокая. Музыкальные произведения формалистического характера чужды народу, а эмоциональное влияние их на отдельных людей может быть признано лишь вредным, мешающим жизни и работе.

Тов. А. А. Жданов в своей заключительной речи на совещании деятелей советской музыки, происходившем в ЦК ВКП(б), обратил внимание композиторов, дирижеров, музыкальных критиков и музыковедов на опасности, которые несет в себе формалистическое направление в музыке, и призвал развивать и совершенствовать советскую музыку, отстаивая её в то же время от проникновения элементов буржуазного упадочничества, декаданса. «Мы хотим,— сказал тов. Жданов,— чтобы отставание, которое вы переживаете, как можно скорее было преодолено, чтобы вы поскорее перестроились и превратились в славную когорту советских композиторов, являющихся гордостью всего советского народа» (стр. 148).

В постановлении ЦК ВКП(б) указаны условия, содействовавшие распространению среди некоторой части композиторов формалистических извращений,— это отсутствие подлинной критики музыкальных произведений, замкнутость музыкально-композиторской среды, отрыв её от народных масс. Основным недостатком оперы В. Мурадели «Великая дружба», говорится в постановлении, является отрыв этой музыки от народной почвы: «композитор не воспользовался богатством народных мелодий, песен, напевов, танцевальных и плясовых мелодий, которыми так богато творчество народов СССР и, в частности, творчество народов, населяющих Северный Кавказ, где развёртываются действия, изображаемые в опере». И далее говорится: «существенным признаком формалистического направления является также отказ от полифонической музыки и пения, основывающихся на одновременном сочетании и развитии ряда самостоятельных мелодических линий, и увлечение однотонной, унисонной музыкой и пением, зачастую без слов, что представляет нарушение многоголосого музыкального песенного строя, свойственного нашему народу, ведет к обеднению и упадку музыки». Этот раздел постановления особенно внимательно должны продумать не только музыканты, но и этнографы и фольклористы, которым постоянно приходится сталкиваться с народным музыкальным творчеством, записывать наряду со словесными текстами народных песен и их мелодии. Сколько ошибок делалось при этом, когда многоголосые песни, исполняемые обычно хором, записывались в исполнении одного певца и полифоническая хоровая песня превращалась тем самым в одnogолосую. Постановление ЦК ВКП(б) ставит перед этнографами неотложную задачу широкого собирания произведений народного музыкального творчества, тщательной записи их в подлинных условиях бытования, а также научного исследования их и пропагандирования. Для правильной постановки этой работы нужно укрепить руководящий научный центр музыкальной этнографии, уделить большее внимание освещению музыкально-фольклорной тематики в печати. Одновременно нужно усилить связь этнографа-собираателя и фольклориста с композитором. Композиторы, использующие мелодии народной песни, иногда рассматривают напев как абстрактную инструментальную тему: ни живое звучание напева, ни его смысловое идейное, ни эмоциональное содержание в народном песнетворчестве их в этом случае не интересуют. Тому ли учили нас русские музыкальные классики — Глинка,

Даргомыжский, Серов, Мусоргский, Бородин, Чайковский, Римский-Корсаков и другие? Все эти композиторы своим гениальным чутьём не только слышали народную музыкальную речь, но и развивали её в своём творчестве; они умели говорить языком русской народной музыкальной речи, чего никак нельзя сказать об оперном и симфоническом творчестве большинства советских композиторов. Что же мешает советским композиторам идти по этому пути? Для того чтобы встать на этот путь, нужно научиться слушать и слышать народную песню, а не ограничиваться лишь извлечением ее из песенных сборников. Советские композиторы должны работать в тесном контакте с этнографами и фольклористами — собирателями, участвовать в этнографических экспедициях, быть в курсе научных исследований народной песни.

Этнографы и фольклористы могут также помочь композиторам критически относиться к песням, которые бытуют в народной среде. Не следует забывать, что нередко бытуют низкокачественные в идейном и художественном отношении песни, созданные подчас деклассированными элементами. «Объективные» собиратели музыкального фольклора в капиталистических странах относят такие песни к народному творчеству, и композиторы буржуазных стран охотно обращаются к этому мутному источнику, — но советский этнограф, советский фольклорист должен и большею частью умеет разбираться в ценности тех или других произведений народного творчества, ибо он стоит на позициях А. М. Горького в определении сущности фольклора.

А. М. Горький, который впервые в советской науке дал марксистскую концепцию народного творчества, со всей резкостью указал, что блатные песни и песни деклассированных элементов не имеют никакого отношения к подлинному народному творчеству, ибо народное творчество является творчеством трудового народа. Этим определением А. М. Горький вводит идейный, этический и художественный оценочный критерий в отношении явлений устного народного творчества, понимавшегося до этого некоторыми советскими фольклористами в духе порочных взглядов, господствующих на Западе. Горький учит нас оценочно подходить к явлениям народного искусства и различать в нем явления пережиточные и отживающие, и явления, имеющие живую связь с современностью и имеющие будущее.

Важнейшие теоретические высказывания Горького о народном художественном творчестве, недостаточно усвоенные даже некоторыми фольклористами и писателями, остались пока вне поля зрения советских композиторов. Между тем нездоровый интерес к блатному и мещанскому фольклору свойственен части советских композиторов. Это относится прежде всего к некоторым композиторам-песенникам; в самой яркой форме — к Никите Богословскому. Надо прямо сказать, что в том же направлении идут и все обращения к бытовой музыке композитора Шостаковича. Эта порочная тенденция совершенно не случайно перекликается с аналогичными тенденциями в современной французской и англо-американской музыке, изобразительном искусстве, художественной литературе и философии.

Постановление ЦК ВКП(б) о положении на музыкальном фронте имеет значение не только для музыкантов. Оно касается, как и решения ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о кинофильме «Большая жизнь», о репертуаре драматических театров, всех работников идеологического фронта. Оно призывает к бдительности в вопросах идеологии, к борьбе против формалистических извращений, облегчающих проникновение в советскую среду враждебных, антимарксистских теорий и идей, упадочнических воззрений и настроений. Этнографам и фольклористам, непосредственно соприкасающимся с народными массами в своей полевой работе, следует особенно вдуматься в это постановление и применить его к своей работе. Решение ЦК ВКП(б) об опере

В. Мурадели вызовет, несомненно, радикальную перестройку всей творческой работы советских композиторов и педагогической работы по подготовке молодых композиторских кадров. В осуществлении этой задачи советским композиторам поможет вся советская интеллигенция, весь советский народ, но в особенности большую помощь могут оказать собиратели и исследователи народного музыкального искусства — этнографы-фольклористы. Готовы ли они к этому? Как обстоит дело с идеологической бдительностью у них самих?

Дискуссия о теоретических недостатках и задачах советской фольклористики, проведенная в Институте этнографии Академии Наук СССР в феврале-марте 1948 г., вскрыла явно неблагоприятное состояние советской фольклористической науки. На этой дискуссии была разоблачена антимарксистская сущность псевдоисторических построений школы А. Веселовского, его концепции первобытного синкретизма, формалистической основы его концепции родов поэзии, представляющие не что иное, как эклектический вариант идеалистической формалистической схемы поэтических родов в эстетике Гегеля. Была вскрыта также формалистическая сущность теории исторической первичности психологического параллелизма, начисто отвергаемой современными данными науки об искусстве первобытных народов. Вместе с тем обнаружилось, что отдельные советские литературоведы и фольклористы берут под защиту вредную буржуазно-либеральную концепцию этой школы и даже пытаются установить «близость» положений Веселовского к марксизму... На этой же дискуссии была разоблачена антимарксистская сущность исследований В. Я. Проппа, проповедующего в своей «Специфике фольклора» и в книге *Исторические корни волшебной сказки* идеалистические теории Леви Брюля о первобытном мышлении и взгляды на фольклор скандинавско-финской формалистической школы сказковедения. Несмотря на то, что В. Я. Пропп протаскивает в науку фольклористики антиисторические взгляды и методы исследования, он имеет последователей и защитников среди советских фольклористов.

Во время этой дискуссии был разоблачен до конца формалистический функционально-структуральный «метод» фольклористического исследования П. Г. Богатырева, оказавший ощутимое влияние на научные работы его учеников и представляющего в сущности одну из разновидностей функционального метода англо-американской этнографической школы Малиновского. Только полным пренебрежением к теоретическим проблемам и вопросам методологии можно объяснить формулирование советским исследователем тех же методологических положений, которые составляют основу методологии наиболее реакционной из всех буржуазных этнографических школ.

Дискуссия показала, что некоторые фольклористы до сих пор не усвоили основных теоретических взглядов на фольклор Белинского, Добролюбова, Чернышевского, классиков марксизма-ленинизма и М. Горького и поэтому не умеют применить эти положения в своей работе.

Недопустимые для советского фольклориста отклонения от единственно правильного пути развития советской фольклористики, того пути, который намечен в работах классиков марксизма-ленинизма, обусловлен тем, что ряд советских фольклористов и этнографов недостаточно четко разбираются в теоретических вопросах, все еще продолжает возвеличивать «достижения» буржуазной академической науки России и Западной Европы конца XIX — начала XX столетия. В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленина дана исчерпывающая характеристика сущности этих идеалистических, позитивистских «достижений», и всякому фольклористу и этнографу нужно быть знакомым с ленинской характеристикой для того, чтобы не протаскивать — из-за

своей теоретической беспечности — в советскую науку буржуазных лженаучных теорий и «методов».

Научный коллектив Института этнографии принял ряд мер для выправления обнаружившихся в ходе дискуссии теоретических ошибок отдельных фольклористов, но борьба с враждебными марксизму антинаучными теориями должна продолжаться в повседневной работе и в печати. Советский этнограф, советский фольклорист, исследователь народной музыки не может быть ни эклектиком, ни позитивистом. Ему приходится собирать, изучать и объяснять материалы, касающиеся различных сторон жизни и быта народных масс, и поэтому совершенно необходимо, чтобы его собственное мировоззрение не искажало, а научно правильно объясняло изучаемые им явления и процессы. Сделать это может только этнограф и исследователь народной музыки, разбирающийся в сущности общественных явлений, стоящий на позициях марксистской материалистической диалектики. Только такие исследователи помогут советскому композитору понять народную песню; они соберут все ценное в народном музыкальном искусстве, чтобы потом талантливый композитор, умеющий ценить и классическое наследство и народные мелодии, создал новые подлинно великие, достойные советской эпохи произведения.
